

Н.А. Ястреб
доктор философских наук, доцент,
директор института социальных и гуманитарных наук
Вологодского государственного университета
г. Вологда
nayastreb@mail.ru

Гарри Поттер и технопессимизм: готовы ли «зумеры» к техническому прогрессу?»²³

Аннотация: Статья посвящена выявлению условий влияния научно-фантастической литературы и книг в жанре фэнтези на формирование технооптимистических и технопессимистических настроений молодых читателей. Базовым допущением работы является то, что восприятие артефактов героями художественной литературы с оговорками может быть рассмотрено как основа для выявления отношения к технике тех поколений, для которых эти произведения явились смысловыми точками сборки. Технооптимизм определен как мировоззренческая установка, в рамках которой источник проблем видится в самой природе и в человеке. Показано, что технопессимизм называет корнем проблем деятельность человека. Доказано, что цикл книг о Гарри Поттере в целом формирует технопессимистическое мировоззрение и оправдывает технологическое неравенство. На примере книг Т. Пратчетта показано, что литература может формировать у читателей ответственное отношение к технике, если будет показывать не только угрозу, которую несут технологии (прометеевское мышление), но и способы устранения последствий применения техники, в том числе в результате неправильно принятых решений (эпиметеевское мышление).

Ключевые слова: технопессимизм, технооптимизм, артефакт, социальная оценка техники, прометеевское мышление, эпиметеевское мышление.

Введение

Научную фантастику без сомнения можно назвать культурным пространством переживания надежд и страхов человечества в отношении технического прогресса. Доминирование «прогрессорской» фантастической литературы второй половины XX в., моделировавшей разные варианты влияния техники на социальное устройство, к концу века сменилось всеобщей популярностью жанра фэнтези, разворачивающей историю в противоположную от технического прогресса сторону. Изначально привлекая читателя возможностью эскапизма, отдыха от быстро меняющегося, полного стрессов мира, фэнтези стала, тем не менее, пространством осмысления технического прогресса и во многом отразила отношение современного человека к технике.

Серия книг о Гарри Поттере оказала на своих читателей колоссальное воздействие. Об этом можно судить не только по огромному количеству фандомов и тематических групп в социальных сетях, но и по результатам научных исследований. Так, группа исследователей из Ланкастерского и Мичиганского университетов провела исследование методом фокус-групп для выявления степени влияния поттерианы на самоопределение, читательское поведение и академическое развитие детей, увлекавшихся чтением книг о юном волшебнике (Dempster 2016). Они приходят к выводу о том, что романы о Гарри

²³ Статья впервые опубликована в журнале «Семиотические исследования»: Ястреб Н.А. Гарри Поттер и технопессимизм: готовы ли «зумеры» к техническому прогрессу? // Семиотические исследования. 2022. Т.2. №3. С. 39-45.

Поттере «выполняют роль того, что Лев Выготский называет «культурными инструментами»: ориентиров, которые стимулируют взаимодействие и облегчают обучение и когнитивное развитие» (Dempster 2016, p. 270).

Базовым допущением нашего исследования является то, что восприятие артефактов героями художественной литературы с оговорками может быть рассмотрено как основа для выявления отношения к технике тех поколений, для которых эти произведения явились смысловыми точками сборки. Поскольку данное положение имеет границы применимости, мы будем использовать для сравнения данные, полученные традиционными методами, в частности, при помощи анкетирования.

Технопессимизм и технооптимизм как формы отношения к техническому прогрессу

Оппозиция *технооптимизм – технопессимизм* часто рассматривается как нечто очевидное и не требующее дополнительных разъяснений. Тем не менее, постараемся выявить ключевые черты обеих мировоззренческих ориентаций. Прежде всего, нужно определиться, какую проблему считать «точкой ветвления» этих систем: отношение к технике, отношение к техническому прогрессу или отношение к развитию самой цивилизации. Все эти варианты возможны, однако основной, определяющей проблемой является понимание источника проблем современной цивилизации, в том числе, глобальных.

Технооптимизм видит источник проблем в самой природе и в человеке и рассматривает технику как инструмент преодоления цивилизационных кризисов и решения глобальных проблем. Технопессимизм называет корнем проблем деятельность человека, в том числе познание и техническое творчество, его сторонники «видят источник опасности не в природе, а в социальных системах деятельности» (Дзялошинский 2020, с. 91). Чем больше человек узнает, тем больше он расширяет сферу незнания, увеличивая при этом потенциальные риски негативных последствий реализации своих расширившихся возможностей. Эскапизм и экоцентризм являются закономерным продолжением технопессимизма. В первом случае человек отказывается принимать действительность и участвовать в ее создании, а во втором возлагает ответственность за экологические проблемы на науку и технику, потакаяющие человеческим слабостям.

По данным многих исследований, влияние на становление технопессимистических или технооптимистических ориентаций оказывают не только личностные характеристики человека, но и межличностные, групповые и межгрупповые, а также социентальные факторы (Нестик 2018, с. 316). К числу последних относятся, в частности, художественная литература и кинематограф.

Артефакты в произведениях фэнтези VS технические изобретения

Восприятие героями фэнтези магических артефактов мало чем отличается от восприятия обычными людьми новых технологий. Механизм работы сложных инструментов непонятен большинству пользователей, в результате чего техника и технологии часто наделяются антропоморфными и магическими свойствами. «Маленькие вещи», то есть объекты, которые могут быть включены в повседневную жизнь человека для облегчения рутинных процедур, развлечения и повышения уровня комфорта, принимаются человеком сравнительно легко. При этом зависимость от них может привести к негативным последствиям. Этот сюжет убедительно показан в книге «Простые волшебные вещи» Макса Фрая. Использование магических инструментов для действий, которые человек может делать самостоятельно, неизбежно приводит к негативным для человека последствиям.

Другие артефакты, обладающие силой, превосходящей представления человека, часто становятся центральными объектами фэнтези. Примерами могут служить кольцо всевластия у Дж. Р. Р. Толкина, крестражи у Дж. Роулинг или «ружие» у Т. Пратчетта. Эти

примеры объединяет то, что все артефакты были созданы участниками историй, а не достались им от далеких могущественных предшественников; обладают огромной силой, способной изменить мир; оказывают влияние на человека, взаимодействующего с ними. Во всех перечисленных историях герой повествования спасает мир, уничтожая артефакт силы. При этом любые попытки изучения артефактов, использования их на благо общества противоположны интересам героя, и только уничтожение источника силы рассматривается как единственно верный вариант.

Другой интересный пример связан с «системами наблюдения» в Хогвартсе. Долорес Амбридж, как символ технократического управления, формализации и контроля, олицетворяет те начала в человеке, которым нельзя давать доступ к инструментам силы. Если вспомнить классификацию властных отношений, предложенную Б. Фэем (Фей 1987), то можно утверждать, что могущественные артефакты, как и значимые технологии, способны усилить и преобразовать традиционные способы осуществления принуждения, соблазнения, силы, манипуляции и лидерства. В этом плане понятно опасение по поводу того, что такой инструмент, как карта мародеров, попадет в руки жестокому правителю. Однако при этом не рассматриваются способы ограничений, сдержек и противовесов, которые могли бы минимизировать риски негуманного использования артефакта. В результате карта мародеров рассматривается как инструмент только для шалостей, а не для обеспечения, например, безопасности школьников.

Пример с картой очень показателен. Важно, что, хотя в принципе взрослые о ней знают, сама она доступна только ученикам и передается также от ученика к ученику. По сути, именно используя карту, юные волшебники учатся работать с действительно мощным артефактом и оказываются готовыми принять на себя ответственность за его использование. Если взять за основу шкалу оценки взаимодействия человека и технологии, включающую отношение, уровень тревожности, степень самоэффективности, личные убеждения относительно необходимости использования технологии, включение технологий в игру, личную активность (Attig 2017), то мы видим, что практически все эти формы имеют место во взаимодействии Гарри и его друзей с картой. Герои с воодушевлением принимают карту и с интересом ее изучают, изобретают игры, используют ее не только для развлечений, но и для решения разных, в том числе серьезных проблем. Их тревоги касаются защиты самой карты от попадания не в те руки. Использование карты показывает психологическую готовность принять риски технологии в тех ситуациях, когда человек извлекает из нее собственные выгоды. Второй фактор – автономность, самостоятельность действий подростков. Они полагаются на себя, чувствуют свою субъектность и право принимать решения.

Важным фактором понимания отношения героев Поттерианы к магическим артефактам является колониальная оптика. В книгах мы видим высокотехнологический мир магов и низкотехнологический мир магглов. Помню, что при чтении книги «Гарри Поттер и тайная комната» меня совершенно поразило тот факт, что у волшебников есть технология, позволяющая за одну ночь отращать потерянные конечности. И эта технология достаточно проста, чтобы ее успешно можно было использовать в школьной лечебнице, где работает всего один сотрудник. В то же время героев совершенно не беспокоит то, что в мире магглов множество людей, в том числе и детей, проживают сломанные жизни из-за потерянных рук или ног. Но в логике повествования эта несправедливость оправдывается тем, что нужно любой ценой скрыть от людей магические возможности. Здесь и во многих других сюжетах мы видим сочетание технопессимизма и оправдания технологического неравенства. Конечно, нужно делать поправку на социальное устройство Великобритании, где параллельность существования разных социальных слоев и неравенство являются нормой. Но сложно отрицать, что идея сокрытия, утаивания значимых технологий явно присутствует и в Поттериане, и во Властелине колец.

По ту сторону мира волшебников люди вынуждены компенсировать отсутствие магии техническим прогрессом. Они изобретают телевизоры вместо волшебных зеркал и протезы вместо отращающих конечности зелий. Только поезд есть в обоих мирах, и общий контекст позволяет нам сделать вывод, что поезд, уезжающий в Хогвартс с волшебной платформы, изобретен не волшебниками, а людьми. Это одно из немногих технических устройств, созданное магглами и используемое в мире магов. По-видимому, поезд выполняет функцию проводника, соединяя мир технологий с миром магии.

Хотя проведенный анализ можно считать предварительным, он показывает технопессимистичный настрой книг о юном волшебнике. Хотя главный герой с младенчества вынужден брать на себя ответственность за то, с чем не могут справиться взрослые, он не готов брать на себя ответственность за мощные магические артефакты и считает необходимым их уничтожение. Это становится еще более заметным, если учесть, что Д. Роулинг сменила в свое время в списке наиболее «продаваемых» писателей предыдущего лидера – Терри Пратчетта. Сэр Пратчетт отстаивал прямо противоположный подход к пониманию технического прогресса в мире магии. Его книги посвящены тому, как справляться с магией и техникой. Да, нужно полагаться на себя и свои силы, но технический прогресс не остановим. Семафоры, железная дорога, вычислительные машины у Пратчетта являются частью реальности, с которой герои, будь то тиран Витинари или говорящий пес Гаспод, учатся справляться. Молодые люди, читая эти книги, воспринимали идею неизбежности технического прогресса и вызванных им социальных трансформаций. Следующее поколение, чьи умы захватил мир Гарри Поттера, оказалось гораздо более инфантильным и вывело технический прогресс за рамки своих интересов.

«Зумеры» и технологии: стереотипы и исследования

В рамках поколенческой теории дети, родившиеся в конце 1990-х – начале 2010-х гг. объединяются в поколение «зумеров», их также часто называют «цифровыми аборигенами». Их активное взаимодействие с цифровыми инструментами формирует поверхностное впечатление о поколении и дает начало ряду стереотипов. Принято считать, что «зумеры» техноцентричны, обладают уникальными способностями и навыками взаимодействия с техникой, предпочитают гаджеты реальным людям. Как и другие обобщения и генерализации, подобные идеи со временем превратились в некоторые стереотипы, и на данном этапе они не только не помогают понять молодое поколение, но и вредят взаимоотношению с ним. Разрабатывая образовательные программы и концепции молодежной политики на основе стереотипов, мы тем самым усугубляем межпоколенческий разрыв.

Опросы, направленные на выявление отношения молодых людей к технике, демонстрируют их явный технопессимистичный настрой. Так, в результате анкетирования студентов московских вузов было выявлено, что социальные представления молодых людей о будущем технологий «характеризуются амбивалентностью: признавая неизбежность технологического развития, респонденты связывают с ним как комфорт, так и социальную деградацию» (Журавлев, Нестик 2018, с. 5). Позитивные суждения относительно будущего интернет-технологий составляют 24% ответов, нейтральные – 24,8% ответов, тогда как негативные – 51% ответов. На выраженность негативных оценок в представлениях о будущем интернета влияют негативные переживания при использовании интернетом, представления о социальной сложности, т.е. вера в изменчивость социальной ситуации и фаталистическое отношение к будущему. Готовность использовать новые технологии прямо связана с доверием к заинтересованным сторонам технологического прогресса, ориентацией на гедонистическое настоящее, социальный цинизм, и отрицательно связана с уважением к авторитетам и с зависимостью от судьбы. По мнению авторов исследования, полученные данные указывают на то, что «технооптимизм как мировоззренческая позиция может сопровождаться неготовностью использовать новые

технологии; а также на то, что ориентация на получение удовольствия в настоящем более важна для готовности к использованию новых технологий, чем ориентация на будущее» (Нестик 2018, с. 314).

Таким образом, для поколения «зумеров» характерен амбивалентный технопессимизм. Повседневные технические инновации оцениваются ими положительно, активно осваиваются. Однако по-настоящему серьезные инструменты вызывают неприятие, страх и отказ от принятия ответственности за их использование.

Можно ли подготовить человека к техническому прогрессу?

Если говорить о подготовке молодого поколения к будущему и к ответственному отношению к технике, то обе позиции: и технопессимизм, и технооптимизм – одинаково непригодны. Первая формирует инфантильное эскапистское отношение к миру, вторая поощряет наивные безответственные игры в суперменов и богов. И тот и другой варианты так или иначе провоцируют переход от технофобии к номофобии, боязни остаться без гаджетов или волшебных палочек.

Любые значимые технологии амбивалентны (Буданов, Аршинов 2021, с. 59). Преодоление технопессимизма возможно не через демонстрацию позитивных сторон технологий, а посредством подготовки человека к разным вариантам последствий их внедрения. В этом смысле интересно обращение современной экофилософии к разделению прометеевского и эпиметеевского способов мышления (прометеи и эпиметеи соответственно). Если прометея – это тип мышления, который находит решения для имеющейся проблемы, то эпиметея – это качество интеллекта, которое проявляется после того, как данное решение оказывается неадекватным или имеет непредвиденные последствия (Dillet 2021, р.7). Обращение к античному мифу о двух братьях-близнецах, один из которых находит решения проблем, то есть думает наперед, а другой пытается справиться с негативными последствиями действий, то есть думает после, показывает, что только синтез обоих подходов может реально помочь научить молодых людей справляться с вызовами новых технологий, не отказываясь от их позитивных возможностей. В этом плане нельзя не отметить почти комическую неэффективность предмета «Защита от темных сил», который, по сути, должен был формировать у молодых волшебников навыки эпиметеи. Автор книги за книгой показывает нам то, как реальное обучение подменяется имитацией, формализацией содержания, в результате чего взрослые оказываются неспособными в «мирной» жизни подготовить детей к действию в сложных ситуациях. И надежды, которые вызывал этот предмет у героев в начале обучения, быстро развеиваются.

Отношение к технологиям не просто является фактором, влияющим на готовность к техническому прогрессу, но и определяет сам технический прогресс. Восприятие технологий как угроз автоматически актуализирует ограничительный подход. Парадоксальным образом «те, кому угрожают технологии (...), контролируют технологии» (Feenberg 1995, р. 207). Представления поколения «зумеров» о техническом прогрессе уже начинают формировать его направление, а через некоторое время именно их позиция станет определяющей. В этом плане полезно учитывать специфику запроса, предъявляемого человеком к технике. Молодые люди XIX – н. XX в. видели в науке и технике преобразующую силу, которая изменит социальный порядок и укротит природу. В последней четверти XX в. цель научно-технического прогресса начала связываться с улучшением качества жизни человека. Сейчас, когда становится понятно, что недостаточно жить долго и иметь возможность не страдать от болей и болезней, перед научно-техническим прогрессом ставится новая амбициозная задача сделать человека счастливым, а его жизнь увлекательной и интересной. Сохранная природа и практически неограниченные возможности самореализации в метавселенных – вот тот запрос «зумеров» к науке и технике, который мы можем фиксировать сейчас.

Заключение

Восприятие артефактов героями фэнтези с оговорками может быть рассмотрено как основа для выявления отношения к технике тех поколений, для которых эти произведения явились смысловыми точками сборки. Для поколения «зумеров» характерен амбивалентный технопессимизм. Автоматическое отождествление «зумеров» с цифровыми абиригенами, приписывание им технократического мышления и «родства» с технологиями должно быть критически осмыслено. Повседневные технические инновации оцениваются ими положительно, активно осваиваются. Однако по-настоящему серьезные инструменты вызывают непринятие, страх и отказ от принятия ответственности за их использование.

Отвечая на вопрос, заявленный в теме доклада, можно сказать, что поколение «зумеров» не готово к техническому прогрессу в том виде, в каком его понимает, например, послевоенное поколение. Трансформации ценностных ориентиров и мировоззренческих ориентаций вызывают изменения в понимании самого технического прогресса, его цели и направления. В связи с этим важно ответить на вопрос, *к какому техническому прогрессу готовы зумеры*, что и станет предметом дальнейших исследований данной проблемы.

Библиографический список

Alton, A.H., Spruiell, W.C. Discworld and the Disciplines: Critical Approaches to the Terry Pratchett Works. – Jefferson: McFarland, 2014. – 231 p.

Applebaum, P. (2003). Harry Potter's World: Magic, Technoculture, and Becoming Human. In Harry Potter's world: Multidisciplinary critical perspectives. New York: Routledge Falmer.

Attig C., Wessel D., Franke T. (2017) Assessing Personality Differences in Human-Technology Interaction: An Overview of Key Self-report Scales to Predict Successful Interaction. In: Stephanidis C. (eds) HCI International 2017 – Posters' Extended Abstracts. HCI 2017. Communications in Computer and Information Science, vol 713. Springer, Cham. pp 19-29. https://doi.org/10.1007/978-3-319-58750-9_3.

Bantwal Rao, M., Jongerden, J., Lemmens, P. et al. Technological Mediation and Power: Postphenomenology, Critical Theory, and Autonomist Marxism. Philos. Technol. 28, 449–474 (2015). <https://doi.org/10.1007/s13347-015-0190-2> Url: <https://rdcu.be/cIv2x>.

Birch, Megan L. (2009). Schooling Harry Potter: Teachers and Learning, Power and Knowledge. In E.E. Heilman (Ed.), Critical Perspectives on Harry Potter. (pp. 103–120). New York: Routledge.

Dempster, S., Oliver, A., Sunderland, J. et al. What has Harry Potter Done for Me? Children's Reflections on their 'Potter Experience' // Child Lit Educ. 2016. № 47. P. 267–282. <https://doi.org/10.1007/s10583-015-9267-x>.

Dillet, B., Hatzisavvidou, S. Beyond technofix: Thinking with Epimetheus in the anthropocene // Contemp Polit Theory (2021). Url: <https://link.springer.com/article/10.1057/s41296-021-00521-w>. <https://doi.org/10.1057/s41296-021-00521-w>

Fay, B. Critical social science. Ithaca: Cornell University Press. 1987. 242 p.

Feenberg, A. (1995). Subversive rationalization: technology, power, and democracy. In A. Feenberg & A. Hannay (Eds.), Technology and the politics of knowledge (pp. 3–22). Bloomington: Indiana University Press.

King, A. Technophobia and Patriotic Pride. MRS Bulletin 29, 360 (2004). Url: <https://link.springer.com/content/pdf/10.1557/mrs2004.107.pdf>.

Буданов В.Г., Аршинов В.И. Этические императивы сценариев большого антропологического перехода // Сложность. Разум. Постнеклассика. 2021. № 4. С. 58-64.

Дзялошинский, И.М. Философия цифровой цивилизации и трансформация медиакоммуникаций: монография / И.М. Дзялошинский; под ред. Л.К. Лободенко. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2020. – 554 с.

Журавлев, А.Л., Нестик, Т.А. Социально-психологическая детерминация готовности личности к использованию новых технологий // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 5-14.

Нестик, Т.А. Социально-психологические предикторы отношения личности к новым технологиям // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. 2018. № 2. С. 309-319.

Роулинг, Д. Собрание сочинений. В 7 томах. – Москва: Росмэн-Пресс, 2006.

Толкин, Дж. Р.Р. Властелин колец. – Москва: АСТ, 2015. – 752 с.

Троянская, А.И. Технооптимистическая и технопессимистическая перспективы человека будущего // Социально-экономическое управление: теория и практика. 2020. № 1 (40). С. 66-69.

Фрай, М. Простые волшебные вещи. – Москва: Амфора, 2010. – 252 с.

Черняховская, Ю.С. Футурология и философская фантастика как формы исследования будущего общества и его политического мира / Ю.С. Черняховская // Власть. 2016. № 4. С. 164-168. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/futurologiya-i-filosofskaya-fantastika-kak-formy-issledovaniya-buduschego-obschestva-i-ego-politicheskogo-mira> (дата обращения: 27.02.2022).